

Елена Михайловна, Вы окончили филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Какие научные проблемы интересовали Вас в студенческие годы?

На втором курсе университета, когда надо было выбирать научную специализацию, я выбрала древнерусскую литературу. Для студента советского времени это была самая неизведанная и достаточно сложная область, поскольку изучение средневековой словесности, тесно связанной с религией, историей Церкви, богословием, церковным обиходом, предполагало освоение и этой проблематики. В конце второго курса руководитель семинара – замечательный лектор и педагог профессор Владимир Владимирович Кусков порекомендовал мне поехать в археографическую экспедицию, которую традиционно организовывала на историческом факультете МГУ Ирина Васильевна Поздеева. Эта первая поездка в Верещагинский район Пермской области – как я теперь понимаю – оказала решающее влияние на мою дальнейшую судьбу. Люди – поборники древнего благочестия, носители древнерусской книжной традиции, бережно, из поколения в поколение хранившие старопечатные книги и рукописи, сохранявшие любовь к труду и порядку, – произвели на меня глубокое впечатление. Это «открытие» позволило мне увидеть, что древнерусская литература и преемственно с нею связанная литература старообрядческая не только предмет научных штудий, но и наследие, глубоко связанное с настоящим временем и духовно близкое по крайней мере части нашего общества. Поэтому меня сразу увлекла тема, которую для будущей дипломной работы мне предложила И. В. Поздеева, – ««Виноград Российский» Семена Денисова». Это собрание житий-мартириев первых подвижников старой веры, написанное одним из основателей Выго-Лексинского обще-

Интервью заместителя главного редактора журнала А. В. Пигина с доктором филологических наук, главным научным сотрудником Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (Москва) ЕЛЕНОЙ МИХАЙЛОВНОЙ ЮХИМЕНКО

жительства, давало прекрасную возможность для комплексного исследования: помимо сугубо литературоведческого аспекта здесь не менее важен был аспект исторический, источниковедческий, текстологический. В. В. Кусков, убежденный в необходимости тесного знакомства студентов с рукописной традицией памятника, направил и мои поиски в это русло. Так я впервые весенним днем 1979 года переступила порог Отдела рукописей Государственного исторического музея. Работа в рукописных отделах библиотек и музеев, в то время обязательная для филологов-древников, сформировала круг моего будущего научного общения и круг моих близких коллег и друзей. Ведущей научной школой по изучению древнерусской литературы в то время был (и остается поныне) Отдел древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, который объединял вокруг себя ученых, занимающихся вопросами славяно-русского рукописного наследия. Под таким названием проводились научные конференции молодых специалистов. Для меня было честью принять участие в подобной конференции, проходившей 22–24 сентября 1981 года, с докладом, посвященным итогам моей дипломной работы. Это было еще одно важное событие моего научного пути. Таким образом, «Виноград Российский» стал для меня «началом начал».

Кто из ученых оказал на Вас особенно сильное влияние?

Самое сильное влияние не только в научном, но и в личностном плане на меня оказала Наталья Владимировна Поньрко, ученица Д. С. Лихачева, доктор филологических наук, профессор, ныне заведующая Отделом древнерусской литературы ИРЛИ РАН. Встреча с нею стала третьим и решающим событием моей научной биографии.

Причем эта встреча в определенной мере была случайной. Уже после молодежной конференции, в 1983 году, я была в Пушкинском Доме и работала с рукописями в Древлехранилище. И вот у лифта на втором этаже столкнулась с Натальей Владимировной, и она неожиданно предложила мне: «Поступайте к нам в аспирантуру». Об этом эпизоде, который именуется так, что Наталья Владимировна «подобрала меня у лифта», мы обе вспоминаем с улыбкой. Благодаря ей я обрела подлинную научную школу – школу Дмитрия Сергеевича, ее научные принципы и сам дух ее, сформировавшийся под влиянием личности этого великого ученого и человека. Глубокий исследователь, тонкий источниковед, остро чувствующий, с одной стороны, «вечные смыслы» древнерусских и старообрядческих текстов, а с другой – их человеческий «нерв», Наталья Владимировна – прирожденный педагог. Стиль ее работы с учениками, предельно внимательное чтение их текстов, тактичная правка, мудрые советы и предложения дают возможность почувствовать непреходящую линию развития нашей отечественной историко-филологической науки.

Для кандидатской диссертации мы вместе выбрали другое основополагающее сочинение Выговской литературной школы – «Историю об отцах и страдальцах Соловецких» Семена Денисова. Дмитрий Сергеевич, в жизни которого Соловки занимали особое место, этот выбор одобрил, только – с учетом условий развития советской науки – порекомендовал избежать слова «старообрядческий» в формулировке темы диссертации. «История об отцах и страдальцах», посвященная Соловецкому восстанию 1668–1676 годов, давала прекрасные возможности для комплексного изучения: помимо обширной рукописной традиции, богатой традиции иллюстрирования она имела теснейшую связь с конкретными историческими событиями, документы о которых хорошо отложились в архивах и частично были опубликованы. Исторический аспект моего исследования сблизил меня с другой крупнейшей научной школой – Сектором археологии и источниковедения Института истории Сибирского отделения РАН, который возглавлял академик Николай Николаевич Покровский. В сентябре 1990 года в Новосибирске проходил III Международный симпозиум по старообрядчеству, и меня, тогда еще аспирантку, в виде исключения, включили в программу этого большого научного форума. Профессиональными и дружескими связями с новосибирскими коллегами я дорожу и сейчас.

Из крупных ученых, которые оказали на меня влияние, может быть, не столько непосредственным наставничеством, сколько своими трудами и своей личностью, был Александр Михайлович Панченко. Его свободный, критический, далекий от какой-либо зашоренности взгляд на предмет проявлялся в том числе и в его личном поведении, и в репликах, которые он отпускал даже в стенах Пушкинского Дома.

Поскольку я выбрала для себя занятия историей и культурой старообрядчества, к именам ученых мне хотелось бы добавить еще два имени старообрядческих. Иван Никифорович Заволоко (1897–1984), активный деятель староверия Латвии еще с 1920-х годов, тесно общавшийся с представителями науки еще со времен *Seminarium Kondakovianum* в Праге (как мы теперь знаем) и имевший глубинные связи с Пушкинским Домом, и прежде всего Владимиром Ивановичем Малышевым, был в числе слушателей той далекой молодежной конференции 1981 года. Как старообрядца-книжника, его заинтересовал мой доклад о «Винограде Российском». В перерыве между заседаниями он стал расспрашивать меня подробнее, сказал, что у него тоже есть список этого памятника и пригласил посетить его. К сожалению, этим предложением мне не удалось воспользоваться, но облик Ивана Никифоровича, который сидел на первом ряду большого конференц-зала Пушкинского Дома, опираясь на костыль, и внимательно слушал студентов и аспирантов, навсегда остался в моей памяти. Его драматические жизненные обстоятельства, верность старой вере, неизменная любовь к книге и к людям ярко предстали для меня в его переписке с Михаилом Ивановичем Чувановым, еще одним корифеем староверия XX века; этот богатый эпистолярный источник дала мне в руки судьба, и я посчитала своим моральным долгом подготовить к печати весь обширный комплекс.

И еще один человек, общение с которым, более продолжительное и содержательное, позволило мне лучше понять мир старообрядчества, – Алексей Васильевич Хвальковский (1920–2005), представитель потомственной семьи староверов-поморцев; его отец, Василий Алексеевич Хвальковский, в 1917–1918 годах издавал «Вестник Всероссийского союза христиан поморского согласия», в 1918–1921 годах был старостой Поморского храма в Токмаковом переулке – первого старообрядческого храма, построенного в Москве после высочайшего указа от 17 апреля 1905 года, и первого в череде старообрядческих церковных построек в стиле модерн.

Основные Ваши работы, включая кандидатскую и докторскую диссертации, посвящены литературе и духовной культуре старообрядческого Выго-Лексинского общезжительства. Как сформировался и развивался Ваш интерес к этой теме?

Выговскую тему считаю подарком судьбы. Все-таки никакая другая тема из старообрядческого айсберга не предоставляет таких исключительных возможностей для комплексного исследования. Не случайно Н. В. Понырко, которой принадлежат программные статьи о выговской культуре, назвала Выг «государством в государстве». Действительно, в глухих лесах Обонежья, которые и по сей день сохранили эту

удаленность от «большой земли», трудами первых основателей Выговской кинонии был создан настоящий оазис древнего благочестия, включавший в себя все необходимое для полноценной церковной, хозяйственной и культурной жизни. Для понимания этого удивительного явления, особенно нашими современниками, необходимо подчеркнуть, что Выговская обитель есть прекрасный пример реализации созидательных и творческих сил русского народа. В большинстве своем крестьяне северных деревень (несмотря на легендарное княжеское происхождение, обедневшими посадскими людьми Повенецкого рядка были и братья Денисовы), руководимые идеей сохранения древнего благочестия, веры отцов и дедов, без помощи государства, а скорее, вопреки его репрессивной политике, расчистили тайгу под пашню, организовали земледелие, животноводство, звериные и морские промыслы, различные производства, торговлю. Если бы Выг создал только это многоотраслевое хозяйство, уже было бы удивительно. Но Выг создал еще и полноценную культуру столичного уровня, разнообразными и высокохудожественными памятниками которой – рукописными книгами, иконами, медным литьем, настенными рисованными лубками, деревянной резьбой – мы не перестаем восхищаться и поныне. Это осознание полноты выговской жизни и культуры, конечно, пришло позже. Изначальной «нитью Ариадны» стали для меня четыре небольших письма Семена Денисова Даниилу Матвееву первой половины 1730-х годов. Я обнаружила их в собрании Елпидифора Васильевича Барсова, который, будучи в 1860-е годы преподавателем Олонецкой духовной семинарии (в Петрозаводске), имел уникальные возможности для сбора подлинного выговского материала, после закрытия обители правительством в 1854–1856 годах в большом количестве обретавшегося в тех местах. Для самих участников переписки короткие деловые письма, буквально записки, не нуждались ни в дате, ни в пояснениях, но, чтобы расшифровать всю содержащуюся в них интереснейшую информацию, потребовалось все дальше и дальше углубляться в неизведанный материк выговского наследия. Так, образно говоря, пришли в руки новые сочинения выговских писателей, их автографы и черновики, документы выговского происхождения и официального делопроизводства. А потом и крупные, считавшиеся утраченными комплексы, воплотившие в себе грандиозные культурные начинания первооснователей кинонии – Выговская библиотека и тома Выговских Четийх Миней.

И вновь мне хочется подчеркнуть, как важен живой, непосредственный контакт исследователя с объектом своих научных интересов. В 1993 году в составе небольшой экспедиции Петрозаводского краеведческого музея я поехала по выговским местам: в Толвую, Повенец, Данилово, Сергиево; в 2006 году в рамках проводившейся в Петрозаводске конференции, посвящен-

ной 300-летию Лексинской обители, попала и на Лексу. Особенно сильное впечатление на меня произвело Данилово. В нем почти ничего не осталось от былого величия (уже в начале XX века его было немного), но о прежнем размахе деятельности напоминала сама топография: обширные, отвоеванные еще в конце XVII века у непроходимых лесов поля, возвышенность «Мертвой горки» (кладбища), где упокоились выговские киновиархи-писатели; все так же выбивающийся из-под земли источник, спокойная гладь реки Выг, по которой – можно представить – колокольный звон монументальной выговской соборной часовни разливался по округе.

В Ваших трудах старообрядчество осмыслено исключительно в позитивном ключе, хотя в большинстве работ предшественников старообрядчество интерпретируется как преимущественно консервативное и довольно мрачное явление русской жизни. Что позволило Вам преодолеть этот традиционный подход?

Мне кажется, те, кто изучают древнерусскую литературу и шире – культуру, которая в лице поборников древнего благочестия нашла свое прямое продолжение и верность которой они сохранили несмотря на очевидное давление извне, не могут относиться к старообрядцам не в позитивном ключе. Благодаря старообрядцам были сохранены не только древние памятники, но и сами традиции – книжные письма, иконописания и реставрации икон, литья медных икон, древнерусской музыки. По преимуществу в старообрядческие селения еще в 1970–1980-х годах ездили многочисленные археографические, фольклорные, диалектологические и этнографические экспедиции. Ваш вопрос затрагивает важную тему – тему просвещения. Наше общество в лучшем случае не знает или мало что знает о старообрядчестве, а в худшем – до сих пор находится под влиянием миссионерских штампов XVIII–XIX веков. В числе этих предвзятых мнений было, в частности, обвинение в невежестве, непросвещенности. Но как с этим можно согласиться, когда познакомишься с высокой книжной и бытовой культурой староверов, с их грамотностью, непреходящей исторической памятью, вдумчивым подходом к тексту! Действительно, в глазах людей внешних староверие может восприниматься как явление мрачное, но стоит разобратся в причинах такого впечатления. Закрытость старообрядческого общества обусловлена понятными историческими причинами (только в 1905 году старообрядцы впервые получили равные с другими гражданами России гражданские права) и стремлением оградить свою внутреннюю жизнь от посторонних глаз, сберечь традиции и устои. Чувство собственного достоинства, основательность, традиционное христианское воспитание также не допускают бросаться на шею каждому встречному. Сохранявшаяся

в старообрядческой среде система ценностей была понятна вдумчивым и наблюдательным людям, таким замечательным писателям, как П. И. Мельников-Печерский и Н. С. Лесков. Наиболее показателен первый пример. Писательская честность и жизненная правда взяли верх над чиновником, по долгу службы призванным проводить в жизнь репрессивные меры правительства по «борьбе с расколом». Как ни стремился этого избежать автор, но в диалогии «В лесах» и «На горах» вынужден был вывести положительный образ старообрядца.

И вновь подчеркну: крайне важны простые человеческие контакты, которые хоть и непросто установить, но именно они позволяют приподнять завесу над этим давно и несправедливо выведенным в тень исключительным явлением русской жизни и культуры. Надеюсь, что просвещению нашего общества будет способствовать празднование в грядущем 2020 году 400-летия со дня рождения протопопа Аввакума, выдающегося деятеля староверия и гениального писателя.

Вы являетесь по своему складу академическим ученым, но всю жизнь работаете в Государственном историческом музее. Как Вам удается совмещать научную и музейную работу? И что прежде всего Вас привлекает в музейной работе?

Подлинная музейная работа имеет серьезную научную составляющую, в настоящее время, к сожалению, почти выведенную за рамки музейной жизни. Эта составляющая должна проявляться в широте знаний, в умении дать точную атрибуцию предмета и его места в истории народа и искусства, в навыках критики источника, способности отличить подлинник и подделку. Но даже то, что является сугубо музейной, хранительской работой, способно доставить большую радость, позволяя ощутить непрерывную связь времен. Это звучит слишком пафосно, но верно по сути. Конечно, и в читальном зале любого книгохранилища исследователь может получить подлинник, но, когда ты можешь взять его непосредственно с полки, раскрыть, прочитать, сличить с другим, – это особое состояние. Непосредственное общение с источниками, с памятниками культуры расширяет кругозор, заставляет задуматься над новыми вопросами. Кстати сказать, хранители, ныне занятые большим числом сопутствующих видов музейной работы, время непосредственного общения с памятниками ценят более всего.

Вы являетесь автором многих музейных выставок в ГИМ. Какие из них были Вам наиболее интересны?

Выставочная работа является одним из интересных и важных видов музейной деятельности, поскольку позволяет представить широкой публике результат изучения музейных фондов, показать зрителю конкретные предметы – свидетели тех или иных событий нашей истории.

Государственный исторический музей, который в 2022 году будет отмечать свое 150-летие, имеет давние, устоявшиеся традиции, в том числе и в выставочной деятельности. Моим первым выставочным проектом была выставка (и каталог) «Неизвестная Россия: К 300-летию Выговского старообрядческого общежития» (1994). Работа над нею вместе с музейными коллегами позволила увидеть всю мощь и многогранность выговской культуры, пронизанной единой идеей и единым стилем. Знаменательному событию в истории старообрядчества – опубликованию указа 1905 года и распечатанию алтарей храмов Рогожского кладбища в Москве была посвящена выставка «Тайна старой веры» (2005). В других больших выставочных музейных проектах историко-церковной тематики («Патриарх Никон и его время», 2005 год, «Обитель преподобного Сергия», 2012 год, «XVI век. Эпоха митрополита Макария», 2017 год) я стремлюсь представить материал во всей полноте, включая ценнейшие книжные памятники, хранящиеся в Отделе рукописей и старопечатных книг, а также избежать замалчивания вклада старообрядцев в сохранение отечественного культурного наследия. Замечу, что объективно большой вклад старообрядцев в нашу культурную жизнь можно увидеть практически в любой исторической выставке любого музея (будь то памятники, сохраненные старообрядцами, или произведения, созданные старообрядческими мастерами, или коллекции старообрядческих собирателей), однако в сопроводительных текстах о старообрядцах упоминают не часто.

В последние годы мне случалось сделать два крупных проекта в рамках выставочной деятельности Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви. Здесь работает Музейно-библиотечно-архивный отдел под руководством иерея Алексея Лопатина. В 2012 году мы открыли выставку «Война 1812 года и московское старообрядчество», а в 2017 году – «Сила духа и верность традиции». Эти выставки имеют просветительский характер и впервые знакомят посетителей с подлинными памятниками музейного уровня, хранящимися в старообрядческих церковных собраниях.

Какое место в Вашей жизни занимают Карелия и Русский Север?

Русский Север – это то место, которое неизменно притягивает мои мысли, место, куда всегда хочется поехать. Мне кажется, что суровая и скромная природа Русского Севера очень соответствует старообрядческому характеру, поэтому не случайно это край старообрядческий. Пользуюсь любой возможностью приехать сюда не только в рамках научных конференций (в Петрозаводске, Архангельске, Каргополе, в Кенозерском и Водлозерском заповедниках, на Соловках), но и сама по себе. Путешествовала с разными людьми, друзьями и коллегами, но из одной и той же когорты людей, влюбленных в Русский Север.